

*Посвящается Андреа,
которая молча заботилась обо всех,
о ком я забывал, пока писал эту книгу*

Под затихающие звуки порывов разрушительных гроз Тора вошел в Лорел-Хилл, штат Нью-Джерси. Не в результате буйства погоды — скорее, грозы послужили предвестниками его прибытия и предстоящего опустошения. Впрочем, ничто в его внешности не должно насторожить жителей неугомонного провинциального городка. Так было задумано. В противовес своей натуре он нарочно выбрал цивилизованную наружность и спокойные манеры на — скорее всего — короткое время, достаточное, чтобы осмотреться. Остановившись на черном цвете, он надел котелок, надвинув его низко на испещренный глубокими морщинами лоб, двубортный костюм и черные ботинки. Клинышек белой рубашки был единственным отступлением от черного, а красноватое лицо — единственным цветным штрихом.

Хотя он носил с собой увесистую деревянную трость с кованой рукоятью и заостренным кончиком, ничто в его походке не намекало на то, что трость предназначена для опоры, так что посторонний наблюдатель решил бы, что трость и котелок он использует просто для красоты. Пока в его интересах было поддерживать все эти заблуждения. Только позже жители сообразят, что он просто маскировался. Тора был, пользуясь би-

блейской идиомой, волком в овечьей шкуре. Ему требовалось время, чтобы оценить Лорел-Хилл, так что с не свойственной его характеру необходимостью проявить терпение можно и смириться.

Впереди, на Бедфорд-драйв, его внимание привлекло что-то любопытное. Отличная возможность удовлетворить естественные наклонности. С садистской ухмылкой он решил, что терпение лучше принимать маленькими дозами.

* * *

Джо Седенко закончил крепить последний коньковый элемент и теперь, небрежно удерживая в правой руке гвоздезабивной пистолет, перетаскивал воздушный рукав, змеящийся по крыше, через край и дальше, к гудящему компрессору двумя этажами ниже. Опустившись на колено возле вентиляционной трубы, Грег Бичам накладывал герметик на головки гвоздей вокруг гидроизоляции, чтобы наверняка предотвратить протекание. На краю крыши, сгребая остатки мусора в направлении мусоровоза-самосвала, припаркованного на подъездной дороге, стоял Майк Мацкевич.

За два дня они почти доделали крышу. В первый день снимали старую поврежденную битумную черепицу, убирали и заменяли прогнившую обшивку, а потом укладывали новый рубероид. Дело это было грязное и опасное — со всем этим мусором и риском вернуться. На второй день работа предстояла более упорядоченная и относительно легкая: нужно было закрепить новую черепицу, разнести стыки, убрать старые куски черепицы рядом с вентиляционными трубами. Так что, понятное дело, Джо нахмурился, заметив блестящий титановый гвоздодер на карнизе позади Майка. Инструмент этот был незаменим для

извлечения кровельных гвоздей в первый день, но не во второй, когда они один за другим новыми гвоздями прошивали черепицу и рубероид. Джо решил, что Майк вытащил инструмент из рабочего ремня, когда приводил себя в порядок, но чтобы он оставил тяжелый металлический предмет так близко к краю... Еще не хватало, чтобы железка упала с крыши и раскроила череп миссис Слони, которая могла выйти проверить, как продвигается работа, или принести графин ледяного чая к подножию стремянки.

В этот самый момент Майк шагнул назад, к краю крыши и гвоздодеру, очевидно, не подозревая, что инструмент лежит там.

— Эй, Майк, — окликнул Джо. — Осторожно.

— Чего? — Майк огляделся, потом заметил инструмент. — Как эта штука сюда попала?

Он шагнул ближе и наклонился, чтобы поднять гвоздодер. Джо кивнул и уже было отвел взгляд, как одна из плиток в стартер-полосе выскользнула у Майка из-под ноги. Он тяжело упал на бок и съехал через край, только рука беспомощно скользнула по водосточной трубе перед тем, как он исчез из виду. Услышав глухой удар, Джо в шоке замер на месте. Гвоздомет вывалился из онемевших пальцев, гораздо мягче ударился о черепицу под коньковым шаблоном и заскользил по скату, видимо, под давлением воздушного рукава.

— Какого черта, Джо? — спросил Грег, переводя взгляд с Джо на гвоздомет. — Где Майк?

— Он...

Грег положил металлический шприц-пистолет для заделки швов, заряженный кровельной смолой, на вытяжную трубу и начал спускаться, чтобы поймать инструмент прежде, чем тот перелетит через край. Воздушный рукав мотал гвоздомет туда-сюда, раз за

разом выдергивая его из-под руки Грега и уводя все ниже, до самого карниза.

Джо не смог уберечь старого друга от падения, но что-то при виде вихляющего шланга придало ему прыти. Он припустил вниз по крыше, намереваясь добраться до Грега прежде, чем того постигнет судьба Майка. Уголком глаза он заметил, как что-то синее сдвинулось с места, но его разум не успел зафиксировать происходящее: предмет уже соскальзывал с серебристого фартука в основании трубы. Джо был слишком сосредоточен на том, чтобы поймать Грега, который теперь стоял в опасной близости к самому краю крыши.

В последнем рывке Грег схватил гвоздомет, почти перевалившийся через сточную трубу.

— Еще бы чуть-чуть!

Воздушный рукав натянулся и сбил его с ног.

Грег начал падать вперед в тот самый момент, когда Джо попытался ухватить его сзади за ремень.

Джо опоздал совсем чуть-чуть, потом он сам потерял равновесие и, качнувшись вперед, увидел, как голова Грега с тошнотворным треском ударилась о край кузова мусоровоза. Джо удалось выпрямиться и не свалиться самому. «Легкий день» в мгновение ока стал дважды роковым. Дрожа, Джо осторожно отступил от края.

Нога опустилась на что-то твердое и подвижное, вес сместился, и из-под резиновой подошвы его рабочего ботинка вылетел пистолет для заделки швов. Ноги соскользнули, он упал ничком, а инерция довершила дело. Одной рукой схватившись за водосточную трубу, Джо отчаянно трепыхался у стены. Но чувство облегчения от того, что удалось зацепиться, тут же сменилось новой вспышкой ужаса, когда тонкий металл скрипнул и проржавевшие болты отлетели. Мгновение

спустя он падал спиной вперед, перед глазами по очереди мелькнули небо, дерево, газон, покрытый трещинами тротуар, а потом стало темно.

* * *

Мишель Слони мыла посуду после обеда, когда заметила, как что-то темное мелькнуло в окне кухни. Она рассеянно подумала, что это, должно быть, какая-то крупная птица — например, одна из тех страхолудин, грифов-индеек, которые частенько сидели, нахохлившись, на крышах стоявших у кромки леса домов, будто жалуясь на отсутствие падали на дорогах. Но когда предмет приземлился во дворе, она увидела, что это одна из новых черепичных плиток. Она была разбита и, видимо, предназначалась для вывоза длинным мусоровозом, занявшим подъездную дорогу. Возможно, упала с крыши и рикошетом от стены перелетела через газон.

Несмотря на то, что быстрое движение за окном отвлекло внимание Мишель, она могла поклясться, что слышала глухой удар около мусоровоза, и ей вдруг на мгновение вообразилось, что кто-то из бригады Седенко свалился с почти отремонтированной крыши. Несколько секунд она стояла на месте, со стекающей по рукам мыльной водой, рисуя у себя в голове эту мрачную картину. Но нет: не было слышно ни криков, ни предупреждающих восклицаний. Она уловила лишь...

Еще один удар заставил ее вздрогнуть.

Этот второй удар показался ей ужасно громким, наверное, потому что она прислушивалась к звукам с крыши. Вытерев мокрые руки посудным полотенцем, она торопливо двинулась к двери. Выйдя наружу, она позвала:

— Мистер Седенко, мне показалось, я слышала...

Она застыла на крыльце, не веря собственным глазам.

Седенко как раз в этот момент, неловко кувыркнувшись, сорвался с крыши.

Он упал головой вниз на тропинку, которая бежала вдоль стены и выходила на подъездную дорогу. Под весом тела его шея громко хрустнула. Мишель ни капли не сомневалась, что он умер мгновенно. Сломанная водосточная труба скрипнула на ветру, и кусок ее со звоном шлепнулся на землю.

— Господи, — прошептала Мишель.

Прикрыв ладонями рот, она неловко заковыляла вперед, чувствуя себя как в страшном сне. Взгляд ее скользнул с тела Седенко на другое тело, лежавшее около длинного мусоровоза. Грег как-там-его. Вокруг разможенного черепа натекла лужа крови. В нескольких метрах от него лежало третье тело. Майк. Мишель помнила, что его звали Майк. Кажется, еще одна сломанная шея. Она взглянула вверх на новую крышу, почти ожидая увидеть, как в ответ на нее посмотрит четвертый рабочий, который всех и убил. А из-за чего еще трое опытных кровельщиков могли упасть с крыши один за другим и разбиться насмерть? Наверняка кто-то столкнул их. Но там никого не было. Разумеется, ведь Мишель знала, что на крыше работали только три человека.

Она попятилась к двери, задыхаясь от паники, и бросила растерянный взгляд на обочину, у которой был припаркован фургон Седенко. Под красным кленом, разросшимся над подъездной дорогой, она увидела высокого широкоплечего мужчину в котелке и черном костюме. Он вышагивал так, будто у него не было никаких забот в этом мире, чуть ли не тростью поигрывал. Наверное, он должен был что-нибудь заметить.

— Вызовите 911! — крикнула Мишель. — Эти люди мертвы!

Он взглянул на нее с заинтересованной улыбкой и приставил ладонь к уху, будто не расслышал.

Мишель перевела взгляд с него на троих мертвецов, распростертых на газоне, на самом виду.

— А, забудьте!

Она с силой дернула дверь, но в спешке не удержала ручку, и край дверного полотна ударил ее по лицу. Только схватившись за ушибленное место, она поняла, что плачет — вероятно, с того самого момента, как увидела тело Седенко на земле. Мишель посмотрела, нет ли крови на ладони, и с некоторым облегчением поняла, что не рассекла лицо, хотя ей тут же стало стыдно из-за своих переживаний по поводу пустяковой раны: ведь только что погибли три человека.

Она побежала через кухню к телефону (все быстрее, чем искать мобильник в объемной сумке), но каблук скользнул по мокрому пятну на плитке, и она тяжело упала спиной назад, запоздало браня себя за неуклюжесть. Схватившись за кухонную столешницу, чтобы встать, она напоролась ладонью на нож, которым резала морковь для салата. Острое лезвие впилося в плоть, брызнула кровь.

Пробормотав еще одну череду проклятий, Мишель несколько раз глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, осторожно поднялась на ноги и здоровой рукой медленно сняла телефонную трубку. С преувеличенной аккуратностью она набрала 911 и, ожидая ответа оператора, обернула раненую кисть мокрым полотенцем, чтобы унять кровотечение.

Затем Мишель выглянула в окно, посмотрела по сторонам, но высокого человека в черном костюме и след простыл.

* * *

Тора не собирался попадаться на глаза хозяйке дома. Когда он не использовал в полном объеме свои разрушительные силы, он мог становиться неза-

метным для человеческого восприятия: лишь тень на периферии зрения, едва различимый звук. Но эта его способность требовала сознательного усилия, и он не стал заморачиваться. И все же он удивился, что женщина обратилась к нему, учитывая, что трое рабочих больше не нуждались в медицинской помощи. Однако он знал, что шок и страх заставляют людей вести себя непоследовательно, что часто было ему на руку.

Притворившись, что ничего не заметил или не счел нужным вмешиваться, или и то и другое, он пошел дальше, решив, что немолодая женщина забудет о нем после пары болезненных происшествий — которые, впрочем, вовсе не приведут к смерти, как те три, что случились с кровельщиками. Он не отличался утонченностью манер, и, хотя смерть рабочих была не таким уж широким жестом, она определенно возвещала о его прибытии.

Не пройдя и двух кварталов, Тора увидел, как мужчина, прислонив стремянку к толстой ветви дерева, бензопилой срезает сломанную ветку, нависшую над гаражом. Покрутив кованую рукоять трости в ладони, он улыбнулся, видя, как мужчина тянется вперед, сместив центр тяжести. Еще одна возможность.

Одним удачным движением человек на стремянке срезал нужную часть. Когда кусок ветви упал на землю, другая ее часть спружинила вверх, лишив стремянку опоры. Стремянка накренилась, мужчина резко опустил руки, и пильные зубья, разрезав джинсовую ткань, вонзились в его бедро прежде, чем он успел выпустить инструмент.

Взвыв от боли, он свалился со стремянки, разбив нос об одну из ступеней, и перекатился на спину, обеими руками зажимая рану. Хлынувшая из пореза кровь сочилась между пальцами, окрашивая джинсы и газон в алый цвет. Пильная цепь повредила бе-

дренную артерию. Даже если удар головой не помутит его сознание, быстрая потеря крови довершит дело.

В свои последние секунды сквозь пелену крови, струящейся по лицу из разбитого носа, умирающий увидел темную фигуру и протянул к ней дрожащую руку, пытаясь что-то сказать, но лишь угасающий шепот доносился из его уст. Испутив последний вздох, он уронил руку, и его немигающие глаза остекленели.

Постукивая рукоятью трости по ладони, Тора посмотрел на залитую кровью бензопилу, которая уже не работала благодаря механизму стопора при аварийных ситуациях.

«Иногда, — подумал он, — все чересчур просто».

Внутри начала закипать темная энергия, готовясь превратиться в пламя, которое вспыхнет, едва оформятся его планы.

Тора направился к центру города.

Глава 1

Дин Винчестер припарковал их очередную колымагу — испещренный пятнами ржавчины сине-белый «Плимут Дастер» середины семидесятых, начинавший тряситься, едва стрелка спидометра пересекала отметку в сотню километров в час, — на подветренной стороне у одинокого дома в викторианском стиле в пригороде Нью-Йорка. Они с Сэмом вышли из машины, захлопнули двери и бок о бок направились по пустынной двухполосной сельской дороге к полуразрушенному зданию. Дин бросал тревожные взгляды во все стороны, тщательно вглядывался в вечернее небо над головой. Сэм перевел взгляд с клочка бумаги в своей руке на просторное строение, задержался у видавшего виды зеленого почтового ящика на покосившемся деревянном столбике. На ящике черной краской значился трехзначный номер дома.

— Правильный адрес?

— Хай-хилл-роуд, 636, — Сэм кивнул, глядя в бумажку. — Почтальон так написал.

— Выглядит заброшенным, — заметил Дин.

Это мягко говоря.

Лет двадцать назад, а может быть, и десять, безевый викторианский особняк с широкой зеленой окантовкой на столбах и перилах круговых веранд первого и второго этажа, дополненный трехэтажной